
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008.001.14

Г. Л. Тульчинский

<https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Ценностно-нормативные предпосылки советского бытия: содержание и факторы формирования

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-68-46013

«Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Тульчинский Г. Л. Ценностно-нормативные предпосылки советского бытия: содержание и факторы формирования // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 140-146.
DOI 10.20323/1813-145X-2020-4-115-140-146

Советское бытие является нетривиальным социально-культурным феноменом. Его осмысление важно не только в историческом плане, но и для понимания современного российского общества, перспектив его развития. Тем более важно понимание его социально-культурных предпосылок. В связи с этим данная работа содержит попытку решения двух задач: выявить устойчивое ценностно-нормативное содержание российского культурно-исторического опыта; определить факторы динамики его формирования, действовавшие в дореволюционной России. Решение первой задачи выявило комплекс ценностно-нормативных установок, которые дополняют и конкретизируют друг друга. Доминантой является пассивное претерпевание в сочетании с нравственным максимализмом, обостренным стремлением к справедливости. Такое сочетание обусловлено историческим опытом, главным содержанием которого являются отношения народа и власти при доминировании последней. Решение второй задачи позволило выделить две основные причины, обуславливающие маятниково-инверсивный характер развития России: во-первых, это слабое развитие «низов», социальных сил при доминировании власти; во-вторых, вторичный характер модернизационных заимствований, инициируемых властными «верхами». Поэтому такие реформы оказываются несостоятельными и ведут к инверсивным откатам. Тем самым создаются условия закрепления упомянутого ценностно-нормативного комплекса. Эти взаимосвязанные причины и создали предпосылки для формирования нетривиального феномена советского бытия как качественно специфического характера развития социума. Вместе с тем общецивилизационные процессы (урбанизация, формирование массового общества, технологии коммуникации) изменили характер российского общества, реализуя его втягивание в модернизационные процессы. Поэтому, помимо устойчивых ценностно-нормативных установок, важен учет общего цивилизационного развития социума, активация в связи с этим новых факторов и социальных сил. Дальнейшее развитие событий трансформировало специфические черты российского социума в новые форматы.

Ключевые слова: власть, инверсии, модернизация, народ, российская культура, советское бытие, ценностно-нормативное содержание социального опыта.

THEORETICAL ASPECTS OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES

G. L. Tulchinsky

Value-normative preconditions for soviet being: the content and formation factors

Soviet being is a non-trivial socio-cultural phenomenon. Its understanding is important not only in historical terms. It is important for understanding modern Russian society, the prospects for its development. All the more important is the understanding of its socio-cultural background. In this regard, this work contains an attempt to solve two problems: to identify the stable value-normative content of the Russian cultural and historical experience; to determine the factors for this experience dynamics, to determine the dynamics factors of the formation of this experience, which acted in pre-revolutionary Russia. The solution to the first problem revealed a complex of value-normative attitudes that complement and concretize each other. The dominant is passive enduring, combined with moral maximalism, a heightened desire for justice. This combination is due to historical experience, the main content of which is the attitude of the peo-

ple and the authorities. The solution to the second problem made it possible to single out two main reasons for the pendulum-inverse nature of Russia's development. Firstly, this is the weak development of social forces «from below» with dominance of power. Secondly, it is the catch-up nature of modernization borrowings initiated by the power «from above». Therefore, such reforms turn out to be untenable and lead to inverse rollbacks. This creates the conditions for fixing the mentioned value-regulatory complex. At the same time, general civilization processes (urbanization, the formation of a mass society) changed the character of Russian society, realizing its involvement in modernization processes. These interrelated causes created the prerequisites for the phenomenon of Soviet being, as a qualitatively new character of the society development.

Keywords: power, inversions, modernization, people, Russian culture, Soviet life, value-normative content of social experience.

Введение

Советское бытие – масштабный интегративный феномен, уникальный как в своем культурно-антропологическом генезисе, так и в парадоксальной динамике развития. Разумеется, феномен советского бытия суть закрепленный в опыте повседневности результат грандиозного советского эксперимента построения принципиально нового социума и формирования «нового человека». Последствия этого радикального эксперимента сказываются и проявляются до сих пор. Это свидетельствует, с одной стороны, о глубине социально-культурной трансформации, а с другой – о ее принципиально не случайном характере, что не объяснить исключительно тоталитарным насилием. Наоборот, само это насилие, как и сама советская повседневность, смогли реализоваться и закрепиться, потому что нашли отклик в предшествующем российском дореволюционном социально-культурном опыте и практиках, в смысловой картине мира: как оторефлектированной в общественной мысли и художественном творчестве, так и в коллективном бессознательном – от обыденной мифологии и религиозности до способов ведения хозяйства и от фольклора до обыденного дискурса. Этот интегративный ценностно-смысловой и нормативно-поведенческий комплекс не только создал предпосылки радикальных преобразований, но и во многом их стимулировал. Поэтому представляется особенно важным понять природу и содержание этого комплекса, что и является целью данной работы.

Это предполагает, во-первых, выявление и фиксацию ценностно-нормативного содержания российского культурно-исторического опыта. Во-вторых, необходимо понять факторы динамики его формирования, действовавшие в дореволюционной российской истории.

1. Ценностно-нормативное содержание российского культурно-исторического опыта

Особенности российского социально-культурного исторического опыта, в том числе его выражение в смысловой картине мира, в ментальном плане отражено в известной и обширной лите-

ратуре, поэтому вряд ли стоит тратить даже на ее перечисление время и объем публикации. В принципе, вся она делится на две большие группы. Во-первых, это умозрительные (при этом весьма глубокие и содержательные трактаты, яркими примерами которых являются знаменитые чаадаевские письма и бердяевские тексты о русской идее и судьбе России). Во-вторых, это круг работ, опирающихся на содержание мифологии, фольклора, особенностей русского православия (канона и обыденной религиозности), философии, художественной культуры (особенно литературы), философии, политической и экономической истории [Аверинцев, 1988; Ахиезер, 1998; Давыдов, 2003; Магун, 2011; Никольский, 2018; Пивоваров, 2006; Расков, 2012; Geraci, Khodorkovsky, 2001; Hosking, 2002; Lieven, 2000; Matsuzato, 2006; Pipes, 1997].

Обобщение этого материала [Тулчинский, 2018] позволяет говорить об основных ценностно-нормативных комплексах, осмысления мира и социума, понимания личностью себя, своего отношения к миру и другим людям, характерных для российского культурного опыта.

Прежде всего, это Правда, понимаемая не как соответствие реальности (истина), а как справедливость – соответствие самой реальности неким идеалам. Это не только выводит на первый план личность, готовую в своем нравственном максимализме пострадать за правду и правовой нигилизм. Благодать оказывается выше закона, главное, чтобы человек был хороший, жил не по лжи. А закон («немецкий фокус») – что дышло, куда повернул, туда и вышло.

Причем «этот мир», как и все его проявления (здоровье, собственность, труд, сама жизнь – как своя, так и чужая), ценностью не является, в отличие от мира иного: потустороннего, в светлом будущем, за бугром, там, «где нас нет». Жизнь «здесь и сейчас» – юдоль страдания, некоего нравственного предуготовления к жизни иной: чем больше ты страдаешь в этом мире, тем больше тебе воздастся в мире ином. Речь идет о практическом воплощении особой апофатки восточного христианства и финно-угорского следа в российской культуре.

Как следствие, человек не в состоянии своим трудом сделать лучше свою жизнь и жизнь своих близких. «Птицы небесные не сеют и не жнут, но корм имеют» или, как сказал поэт, «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда...». Систематический труд не источник достатка, а лишь один из компонентов страдания. Ему противопоставляется творчество – единовременный акт творения «вдруг», «из ничего», «усилием воли», который сродни чуду. Поэтому так называемый «утопизм» (от безответственной маниловщины до агрессивного революционаризма) – не причина, а следствие отрицания ценности этого мира и его проявлений.

Еще одной конкретизацией этой ценностной установки является эскапизм с переходом в эсхатологизм – уход от реальности, вплоть до ее отрицания и разрушения, торжество окончательной справедливости, правды. А что может быть справедливее конца света и смерти, перед которой все равны?

При этом индивидуальная личность самостоятельной ценностью не обладает, выступая средством реализации и воплощения общности: «всеединства», «соборности», «симфонической личности» и т. п. Эта идея распространяется на мир в целом, что создало предпосылки возникновения и развития философии русского космизма. Но важно понять, что и он, вплоть до блестящих технических идей К. Э. Циолковского и А. Л. Чижевского, коренится не в натурфилософии, а в установке, что «всяк за всех в ответе» в духе философии «общего дела» Н. Ф. Федорова, оказавшего прямое влияние не только на космистов, но и В. С. Соловьева, на литераторов – от Л. Н. Толстого до А. П. Платонова.

Поэтому научное знание в российском культурном опыте принципиально вторично – оно связано не столько со стремлением к истине, сколько с реализацией единства истины и красоты. Истинно, значит, красиво, и красиво – потому что истинно. Как следствие – отождествление искусства с просвещением и воспитанием, особый эстетизм историософии, ищущей не столько рациональное содержание, сколько особую завершенную сюжетность [Исупов, 1992].

Речь идет, таким образом, об исключительно целостном миропонимании, в котором его компоненты дополняют и конкретизируют друг друга, но с очевидным доминированием нравственного посыла, обостренным стремлением к справедливости [Касьянова, 1994]. И очевидно, что это не случайно, а обусловлено историческим опытом, главным нервом которого являются отношения народа и власти. Народ как мощная, нравственно чистая созидательная сила, кормилец, самоотвер-

женный защитник не является хозяином своей судьбы, это сила претерпевающая, активная «в ответ» на действия внешних по отношению к нему активных сил: от «врагов» до... власти. Никогда в российской истории власть не была «для народа». Наоборот, народ всегда был материалом, средством достижения целей властной воли. Государство, основанное на отождествлении власти и собственности, предстает системой кормлений, но не защиты крестьян, ремесленников и купцов. Налоги – не складчина граждан, а дань. При этом власть претендует на решение любых, даже сугубо частных проблем. Только в периоды смертельной опасности, полной несостоятельности государственной власти народ просыпается, спасает отечество и вновь впадает в спокойствие, вручая активность и ответственность очередной власти.

В результате власть чужда народу и, одновременно, с нею отождествляется судьба народная. Тем самым запускается механизм сакрализации власти. Сакральное, чтобы стать таковым и подтверждать свой статус, должно быть загадочным, чуждым и недоступным (или очень труднодоступным) для профанов. В нем должны быть представлены формы поведения, запретные в обыденных практиках. Кроме того, должен существовать социальный слой хранителей сакрального, посредников и толкователей.

Как следствие, государство и его представители воспринимаются как хозяева жизни, на которых не распространяются обыденные моральные нормы, а значит, его можно обманывать, у него можно красть, не выполнять законы и обещания. Не случайно на Руси царь всегда воспринимался двояко: как помазанник Божий, отец родной, предмет искреннего поклонения и, почти тут же – как проклинаемый всеми злодей, а то и Антихрист. Народ же – героический мученик-страстотерпец – всегда кроток своеобразной ласковой жертвенностью. Не случайно и грозные русские цари в трудную для себя минуту в стремлении добиться народной сопричастности доходили до юродства в демонстрации своей «кротости». Единство кротости и крутости доходит до амбивалентности добра и зла, святости и злодейства. «Сама по себе власть, по крайней мере власть самодержавная, – это нечто, находящееся либо вне человеческого мира, либо ниже его, но во всяком случае в него как бы и не входящее. Благословение здесь очень трудно отделить от проклятия» [Аверинцев, 1988, с. 235]. И всем этим требованиям российская власть сполна соответствовала.

Такая нравственная почва, такой ценностно-нормативный фундамент оказались чрезвычайно

благодатны для восприятия идеи коммунизма, общества, построение которого требует высочайшего напряжения нравственных и физических сил, личного самоотвержения и самопожертвования, с инструменталистским отношением к закону. Тем более интересной и показательной для понимания природы возникновения советского бытия является понимание факторов, определявших динамику российского социально-культурного опыта – хотя бы для того, чтобы определить, насколько действенны они оказались на протяжении советского периода XX столетия.

2. Факторы исторической динамики российского социально-культурного опыта

Уже давно отмечается бросающаяся в глаза «маятниковая» периодичность российской истории: относительно кратковременные попытки радикальных изменений, направленных на активизацию экономической и общественной жизни страны, ее государственного устройства (модернизационные реформы, «ускорения», «перестройки»), сменяются относительно длительными периодами возврата к устоявшимся практикам («стабилизации») [Ахиезер, 1998]. Аналогичные колебания существуют в развитии любого общества, однако обычно они касаются деталей экономической и социальной политики, без радикальной перестройки институциональной среды. В России такие инверсии имеют широкую амплитуду раскачивания между институциональными свободами и «закручиванием гаек» [Ахиезер, 2008]. В результате каждый из тактов раскачивания сопровождается социальными напряжениями, конфликтами, сменой элит, радикальными переделами собственности. Многие и многие отечественные и зарубежные авторы писали и пишут об этой особенности. Не меньше и попыток ее объяснения.

Большинство аналитиков объясняют «навязчивую повторяемость» упоминавшейся выше ролью российской власти в общественных процессах – ролью, в высшей степени доминантной. Вследствие этого, оказавшись в кризисной ситуации, правящая элита пытается сделать рывок в развитии, заимствуя готовые модели обустройства, успешно работающие в других странах. Однако осуществленная «по-быстрому» принудительная трансплантация не приживается или адаптируется, сохраняя только название, старыми институтами, и движение идет в сторону возврата («стабилизации», «застоя») – до следующего впадения в ступор и очередной попытки рывка модернизации.

Не случайно столь разные исследователи, как Ю. С. Пивоваров, С. Г. Кордонский, А. П. Заостровцев, С. А. Никольский, Р. Пайпс, Р. Хедлунд, С. Г. Кирдина, утверждают существование некоей самовоспроизводящейся сущностной специфики российского общества («матрицы», «колеи», «константы» развития), делающей все попытки модернизации с неизбежностью относительно кратковременными и завершающимися относительно длительными периодами воспроизводства «системы» [Заостровцев, 2017; Кирдина, 2014; Кордонский, 2009; Никольский, 2018; Пивоваров, 2006; Пивоваров, 2001; Hedlund, 2005].

Опираясь на иногда существенно расходящиеся подходы, упомянутые исследователи говорят о фактически одних и тех же особенностях российского общества, действительно, просматривающихся на разных исторических этапах. Главное – доминирование власти как ключевого актора изменений и, в силу этого, вторичность экономики и собственности по отношению к власти, порождающей и переделывающей собственность. Из этого вытекает слабость и неразвитость гражданского общества, прав личности, полностью зависимой от государства. В итоге все попытки модернизации сводятся к переделам власти.

Такое объяснение в принципе соответствует результатам хорошо известных исследований Л. Харрисона, С. Хантингтона, согласно которым «культура имеет значение» (culture matters), то есть определяет характер развития конкретного социума, будучи системой порождения, отбора, хранения и трансляции его исторического опыта, задающей коридор модернизации [Harrison, Hantington, 2000]. Более того, идеи «констант», «колеи», «матрицы» вполне согласуются с неинституционализмом, различающим общества с институтами ограниченного и неограниченного доступа к ресурсам [Nort, Wallis, Weingast, 2009]. В этом плане российское общество принадлежит к первой категории. И хотя Новейшее время убедительно демонстрирует пессимистические перспективы для таких обществ, в истории их – большинство.

Роль властной воли никак нельзя преуменьшать. Известны успешные принудительные преобразования, позволявшие странам (Япония, Сингапур, Республика Корея, Тайвань, Китай) в течение 10-15 лет выйти из «третьего мира – в первый». Такой путь привлекателен для авторитарных режимов, но гарантий успеха он не дает [Eisenstadt, 2017]. Многое зависит от качества элиты. Непродуманность и поспешность действий, дополняя и стимулируя друг друга, оборачиваются крахом и утратой легитимности. По-

спешность часто вынуждает принимать самые простые решения, без учета долговременных последствий, что чревато популизмом: реформаторы много обещают, вызывая неоправданные надежды, а крах надежд бьет по репутации и легитимности инициаторов, демонстрируя их фактическую несостоятельность. Так или иначе, но фактор власти, при всей его важности, не дает полноты объяснения российских инверсий, сводя дело к ошибкам и несостоятельности «верхов».

Расширение круга факторов инверсионного развития определяет то, что любая политическая воля не самодостаточна – она опирается на предшествующий опыт, состояние социума. Как в игре в шахматы: правильные шаги, известные в теории и чужом опыте, но предпринятые в другой последовательности не приводят к победе. У каждой модернизации свой путь. Важны не только особенности культуры, ее ценностно-нормативное содержание, «константы», но и история – не только и не столько древняя, сколько ближайших двух-трех поколений. И причины российских инверсий, похоже, в том, что *culture matters* потому, что *history matters* [Hedlund, 2011, p. 287-332].

С этой точки зрения Россия имеет давний исторический опыт антирыночного управления, в условиях которого формируется и закрепляется мотивация не создания добавленной стоимости, а поиска, захвата и (возможно) предоставления ренты [Нешадин, 2003]. Более того, Россия имеет богатый опыт успешного выхода из кризисов (1598, 1861, 1917, 1991, 1998 гг.) за счет проведения изменений «сверху» при пассивной роли населения. А для не ограниченной ничем власти реформы выглядят весьма соблазнительным искушением еще одного проявления своего доминирования: искушение власти оказывается искушением властью. Именно в силу относительной успешности этого опыта он и закрепился в «матрице». В эту схему укладывается и «Великая Октябрьская революция», которая также заключалась в захвате политической власти и проведении «сверху» последующих преобразований.

Однако срывы в архаику не определяются «константами» «матрицы» «системы» российского социума. Важен учет роли не только «верхов», иницирующих реформы, но и «низов», а точнее – долгий путь российских «низов» из крестьян в граждане [Тульчинский, 2017; Tulchinskii, 2019].

И с этой точки зрения российская ситуация выглядит парадоксально. Вхождение России в модерн, формирование буржуазного общества и гражданской нации началось в 1905-1914 гг. В европейских языках слово «гражданин» восходит к «горожанин» (буржуа, бюргер, ситизен, мещанин).

В России политическим выражением плодов Великой реформы, начала реальной модернизации и российской буржуазной революции стал Октябрьский манифест 1905 г., благодаря которому появилась Дума (парламент), возникли политические партии. Все это сопровождалось бурным формированием городской культуры «Серебряного века» («русский Ренессанс»).

Однако перспективу капиталистической модернизации признали не все. Крестьяне видели в «кулаках» «мироедов» и хотели «черного передела». Новую буржуазию (условных «лопахинных») не признали не только аристократы (владельцы «вишневого сада»), но и интеллигенция, призывавшая «слушать музыку революции». Тем не менее I-я Мировая война вызвала невиданную волну национального патриотизма. Даже столица была переименована на русский лад.

На следующем этапе российская буржуазия уже пришла к власти в результате Февральской революции 1917 г. – во многом благодаря ошибкам и ослаблению царского режима в ходе войны. Но и сама буржуазия оказалась политически незрелой. Страна была настолько обессилена, что результаты этого этапа буржуазной революции были сметены Октябрьским переворотом большевиков, которые, перехватив лозунги эсеров, фактически, возглавили крестьянскую революцию. Перчатка марксизма, отвергавшего частную собственность, пришлось очень по руке находившемуся в теоретическом и политическом кризисе революционно-демократическому движению, дав ему оправдание не только индивидуального, но и массового террора.

Впервые на историческую арену вышел «народ», которому была предъявлена программа формирования советской власти как власти «народной». Нация рассматривалась этими интернационалистами как буржуазный пережиток [Миллер, 2017], европейские социал-демократы, проголосовавшие в парламентах своих стран за военные бюджеты, были объявлены «социал-предателями», а России ленинцы откровенно желали поражения в войне и сделали для этого все возможное. Однако интернациональная пролетарская утопия не реализовалась. «Пролетарские» восстания в Германии, Венгрии, Финляндии были подавлены, не удалась польская авантюра. И, оказавшись у власти, в капиталистическом окружении, большевики были вынуждены укреплять собственную власть.

И «Великая Октябрьская революция», и коммунистический режим, утвердившийся в результате кровопролитной Гражданской войны, явились историческим спазмом, отбросившим страну в

архаику. Дальнейшие события усилили парадоксальность российского вхождения в модерн (урбанизацию, ролевую революцию, новые социальные лифты)... Но рассмотрение этих процессов выходит за рамки данной работы, подводя к мысли о важности изучения уже собственно советского бытия, ставшего нетривиальным этапом и условием перехода к современному российскому обществу, без понимания которого объяснение современной России крайне затруднительно.

Ergo

Проведенное рассмотрение выявило устойчивый ценностно-нормативный комплекс, главными характеристиками которого выступают пассивное претерпевание и нравственный максимализм с акцентированным вниманием к справедливости, особенно в контексте отношения власти и народа. Этот комплекс сформировался в результате длительного доминирования власти в ходе исторического развития страны. Однако вхождение страны в модерн активировало новые социальные силы. Поэтому, помимо устойчивых ценностно-нормативных установок, важен учет цивилизационного развития социума. Динамика соотношения этих факторов и привела к формированию нетривиального феномена советского бытия.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С. 210-220.
2. Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 9. С. 227-339.
3. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. 804 с.
4. Ахиезер А. История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. Москва : Новое изд-во, 2008. 708 с.
5. Давыдов А. П. Неполитический либерализм в России. Москва : Мысль, 2012. 644 с.
6. Заостровцев А. П. «Служилое государство» в постсоветской России: II реинкарнация «Матрицы Московии» // Россия 1917-2017: Европейская модернизация или особый путь? Санкт-Петербург : МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2017. С. 46-68.
7. Исупов К. Г. Русская эстетика истории. Санкт-Петербург : РХГИ, 1992. 160 с.
8. Касьянова К. О русском национальном характере. Москва : Ин-т национальной модели экономики, 1994. 267 с.
9. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. 468 с.
10. Кордонский С. Г. Административно-территориальная структура и ее ресурсо-сословная природа // Мир России. 2009. № 3. С. 3-38.
11. Магун А. В. Единство и одиночество. Москва : Неприкосновенный запас, 2011. 544 с.
12. Миллер А. И. Нация, или Могущество мифа. Санкт-Петербург : Изд-во ЕУ СПб, 2017. 146 с.
13. Нецадин А. А. Судьба России в современной цивилизации / А. А. Нецадин, Н. И. Горин. Москва : Инфомарт, 2003. 271 с.
14. Никольский С. А. Российская философия истории: опыт понимания // Философский журнал. 2018. № 4. С. 121-139
15. Пивоваров Ю. С. Русская Власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 12-32.
16. Пивоваров Ю. С. «Русская система» как попытка понимания русской истории / Ю. С. Пивоваров, А. И. Фурсов // Полис. Политические исследования. 2001. № 4. С. 37-48.
17. Расков Д. Е. Экономические институты старобрядчества. Санкт-Петербург : Изд. Санкт-Петербургского университета, 2012. 344 с.
18. Тульчинский Г. Л. Осмысление российских модернизационных инверсий: от А. Ахиезера к С. Хедлунду // Россия 1917-2017: Европейская модернизация или особый путь? Санкт-Петербург : Леонтьевский центр, 2017. С. 69-90.
19. Тульчинский Г. Л. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. Санкт-Петербург : Алетей, 2018. 294 с..
20. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Multiple Modernities / ed. by S. N. Eisenstadt. London: Routledge, 2017. P. 1-30.
21. Geraci R., Khodorkovsky M. (eds.). On Religion and Empire. Missions, Conversions and Tolerance in Tzarist Russia. Ithaca, L.: Cornwall Univ. Press, 2001. 368 p.
22. Harrison L., Hantington S. (red). Culture matters. How Values Shape Human Progress. N. Y.: Basic Books, 2000. 333 p.
23. Hedlund St. Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 326 p.
24. Hedlund St. Russian Path Dependence. A People with a Troubled History. L.: Routledge, 2005. 409 p.
25. Hosking G. A. Russia and the Russians: a history from earliest times to 2001. London: Penguin books, 2002. 752 p.
26. Lieven D. Empire. The Russian Empire and its Rivals. L.: John Murray, 2000. 486 p.
27. Matsuzato K. (ed.). Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire. Sapporo: Hokkaido Univ. Slavic Research Center, 2006. 272 p.
28. Nort D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 346 p.
29. Pipes R. Russia under the Old Regime. London: Penguin Books, 1997. 384 p.

30. Tulchinskii G. L. «From Top Down» and «from Bottom Up» Factors of Inversions in Russian History // Russian Journal of Philosophical Sciences. 2019. Vol. 62, № 8, p. 16-32.

Reference list

1. Averincev S. S. Vizantija i Rus': dva tipa duhovnosti = Byzantium and Russia: two types of spirituality // Novyj mir. 1988. № 7. S. 210-220.
2. Averincev S. S. Vizantija i Rus': dva tipa duhovnosti = Byzantium and Russia: two types of spirituality // Novyj mir. 1988. № 9. S. 227-339.
3. Ahiezer A. S. Rossija: kritika istoričeskogo opyta (sociokul'turnaja dinamika Rossii) = Russia: criticism of historical experience (sociocultural dynamics of Russia). T. 1. Ot proshlogo k budushhemu. Novosibirsk : Sibirskij hronograf, 1998. 804 c.
4. Ahiezer A. Istorija Rossii: konec ili novoe nachalo? = History of Russia: the end or a new beginning? / A. Ahiezer, I. Kljamkin, I. Jakovenko. Moskva : Novoe izdvo, 2008. 708 c.
5. Davydov A. P. Nepoliticheskij liberalizm v Rossii = Non-political liberalism in Russia. Moskva : Mysl', 2012. 644 s.
6. Zaostrovcev A. P. «Sluzhiloe gosudarstvo» v postsovetsoj Rossii: II reinkarnacija «Matricy Moskovii» = «Servant State» in post-Soviet Russia: II reincarnation of the «Matrix of Muscovy» // Rossija 1917-2017: Evropejskaja modernizacija ili osobyj put'? Sankt-Peterburg : MCSJeI «Leont'evskij centr», 2017. S. 46–68.
7. Isupov K. G. Russkaja jestetika istorii = Russian aesthetics of history. Sankt-Peterburg : RHGI, 1992. 160 s.
8. Kas'janova K. O ruskom nacional'nom karaktere = About the Russian national character. Moskva : In-t nacional'noj modeli jekonomiki, 1994. 267 s.
9. Kirdina S. G. Institucional'nye matricy i razvitie Rossii. Vvedenie v H-Y-teoriju = Institutional matrices and development of Russia. Introduction to X-Y theory. Moskva ; Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2014. 468 c.
10. Kordonskij S. G. Administrativno-territorial'naja struktura i ee resurso-soslovnaja priroda = Administrative-territorial structure and its resource-class nature // Mir Rossii. 2009. № 3. S. 3–38.
11. Magun A. V. Edinstvo i odinochestvo = Unity and loneliness. Moskva : Neprikosnovennyj zapas, 2011. 544 s.
12. Miller A. I. Nacija, ili Mogushhestvo mifa = Nation, or the Power of myth. Sankt-Peterburg : Izd-vo EU SPb, 2017. 146 s.
13. Neshhadin A. A. Sud'ba Rossii v sovremennoj civilizacii = The fate of Russia in modern civilization / A. A. Neshhadin, N. I. Gorin. Moskva : Infomart, 2003. 271 s.
14. Nikol'skij S. A. Rossijskaja filosofija istorii: opyt ponimaniya = Russian philosophy of history: experience of understanding // Filosofskij zhurnal. 2018. № 4. S. 121-139
15. Pivovarov Ju. S. Russkaja Vlast' i publichnaja politika (Zametki istorika o prichinah neudachi demokraticheskogo tranzita) = Russian Power and public policy (Historian's notes on the reasons for the failure of democratic transit) // Polis. Politicheskie issledovanija. 2006. № 1. S. 12-32.
16. Pivovarov Ju. S. «Russkaja sistema» kak popytka ponimaniya russkoj istorii = «Russian system» as an attempt to understand Russian history / Ju. S. Pivovarov, A. I. Fursov // Polis. Politicheskie issledovanija. 2001. № 4. S. 37-48.
17. Raskov D. E. Jekonomicheskie instituty starobradčestva = Economic institutions of the old believers. Sankt-Peterburg : Izd. Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2012. 344 s.
18. Tul'chinskij G. L. Osmyslenie rossijskih modernizacionnyh inversij: ot A. Ahiezera k S. Hedlundu = Understanding Russian modernization inversions: from A. Ahiezer to S. Hedlund // Rossija 1917-2017: Evropejskaja modernizacija ili osobyj put'? Sankt-Peterburg : Leont'evskij centr, 2017. S. 69-90.
19. Tul'chinskij G. L. Politicheskaja kul'tura Rossii: istochniki, uroki, perspektivy = Political culture of Russia: sources, lessons, prospects. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2018. 294 s.
20. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Multiple Modernities / ed. by S. N. Eisenstadt. London: Routledge, 2017. P. 1-30.
21. Geraci R., Khodorkovsky M. (eds.). On Religion and Empire. Missions, Conversions and Tolerance in Tzarist Russia. Ithaca, L.: Cornwall Univ. Press, 2001. 368 r.
22. Harrison L., Hantington S. (red). Culture matters. How Values Shape Human Progress. N. Y.: Basic Books, 2000. 333 p.
23. Hedlund St. Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 326 p.
24. Hedlund St. Russian Path Dependence. A People with a Troubled History. L.: Routledge, 2005. 409 p.
25. Hosking G. A. Russia and the Russians: a history from earliest times to 2001. London: Penguin books, 2002. 752 p.
26. Lieven D. Empire. The Russian Empire and its Rivals. L.: John Murray, 2000. 486 r.
27. Matsuzato K. (ed.). Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire. Sapporo: Hokkaido Univ. Slavic Research Center, 2006. 272 p.
28. Nort D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 346 p.
29. Pipes R. Russia under the Old Regime. London: Penguin Books, 1997. 384 p.
30. Tulchinskii G. L. «From Top Down» and «from Bottom Up» Factors of Inversions in Russian History // Russian Journal of Philosophical Sciences. 2019. Vol. 62, № 8, p. 16-32.